

Е 14
246

807-12
982

ВОСПОМИНАНІЯ
ОБЪ О. АРХИМАНДРИТЪ ГРИГОРІИ

(БОРИСОГЛЪВСКОМЪ),

БЫВШЕМЪ ИНСПЕКТОРЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

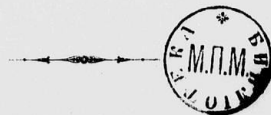
Свящ. Н. М. Миловскаго.

МОСКВА.

—
1897.

ВОСПОМИНАНІЯ
ОБЪ О. АРХИМАНДРИТЪ ГРИГОРИИ
(БОРИСОГЛЪВСКОМЪ),
БЫВШЕМЪ ИНСПЕКТОРЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

Свящ. Н. М. Миловскаго.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульварь.
1897.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется
Москвѣ. Января 25 дня 1897 года.

Цензоръ Протоіерей Іоаннъ Пигропаловскій.

ВОСПОМНАНІЯ

ОБЪ О, АРХИМАНДРИТѢ ГРИГОРИИ (БОРИСОГЛѢБСКОМЪ),

бывшемъ инспекторѣ Московской Духовной Академіи.

(По поводу трехлѣтія его кончины).

Достигши совершенства въ короткое время, онъ (тѣмъ самымъ) исполнилъ долія лѣта (Прем. Солом. IV, 18).

Изъ молодыхъ людей, поступившихъ въ Московскую Духовную Академію въ 1887 году и составившихъ собою XLVI курсъ ея воспитанниковъ, обращалъ на себя вниманіе высокой, стройный блондинъ, съ симпатичнымъ, нѣсколько продолговатымъ и блѣднымъ, лицомъ, опущеннымъ русою бородкой. Его часто можно было встрѣтить въ академическихъ корридорахъ или въ саду расхаживающимъ подъ руку и ведущимъ оживленную бесѣду съ кѣмъ-либо изъ товарищей. Этотъ молодой человекъ былъ Николай Ивановичъ Борисоглѣбскій, подъ спокойствіемъ и какъ бы беззаботностью на лицѣ носившій въ душѣ серьезную и крѣпкую думу, принимать ли ему монашество, къ которому онъ давно чувствовалъ любовь и влеченіе, или, въ виду исключительной трудности монашескаго подвига, избрать иной жизненный путь...

На первыхъ же порахъ Николай Ивановичъ заявилъ себя человекомъ общительнымъ по характеру, любезнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ, очень остроумнымъ, но всегда

2011121694

державшимся строго въ границахъ самой благосопитанной скромности и нравственнаго достоинства. Къ нему сразу всё проникали любовью и уваженіемъ.

Онъ жилъ въ главномъ академическомъ зданіи, — старинномъ корпусѣ, извѣстномъ подь названіемъ *чертовова*, и именно въ помѣщеніи редакціи журнала *Творенія Святыхъ Отцовъ*, гдѣ состоялъ письмоводителемъ. Такъ какъ въ редакціи ежедневно получалось множество газетъ и журналовъ, то жившія въ Академіи лица обыкновенно обращались къ нему съ просьбою объ одолженіи свѣженькихъ заданій для прочтенія или только просмотра, и такія просьбы исполнялись имъ съ полною любезностію. Бывало иногда такъ, что онъ не только пошлетъ просителю новенькія журнальныя книжки, но еще вложитъ въ нихъ письмецо или записку, съ указаніемъ такихъ статей, которыя ему лично понравились и которыя, по его мнѣнію, заслуживали бы особеннаго вниманія читателей. «Препровождаю къ вамъ *Вѣру и Разумъ* и *Труды Киевской Академіи*», — писалъ онъ, напр., одному лицу, часто посылавшему къ нему за журналами своего служителя. — «Ахъ, хороша въ *Трудахъ* проповѣдь Берсье! Скольکو въ ней святаго огня Чудная вещь!» *)

Кому при письменныхъ работахъ открывалась надобность сейчасъ же навести справку въ той или другой книгѣ изъ редакціоннаго склада, тотъ обращался за книгой къ студенту Борисоглѣбскому и безотлагательно получалъ просимое. Въ случаѣ невозможности послать просителю нужную книгу, Николай Ивановичъ письменно объяснялъ ему причины неисполненія его просьбы. «Къ своему глубокому сожалѣнію, — уведомляеть онъ, напр., то же лицо, присившее у него для справокъ Исторію Славяно-греко-латинской академіи, составленную С. К. Смирновымъ, — я не могу прислать вамъ нужной книги: всё бывшее въ редакціи экземпляры

*) Разумѣется слово Берсье: «Безполезная трата жизни» (*Труды К. Д. А.*, 1891 г. № 2, стр. 342—362).

давно переданы еще покойному о. Сергію Константиновичу. У насъ же нѣтъ ни одного экземпляра. Есть только Исторія Лаврской семинаріи, да нашей теперешней академіи».

Будучи на IV курсѣ, Николай Ивановичъ, давно чувствовавшій сердечное влеченіе къ монашеской жизни, пришелъ, подь вліяніемъ нѣкоторыхъ, благопріятно для того сложившихся обстоятельствъ, къ окончательному рѣшенію вступить въ нее. 26-го февраля 1891 года 24-лѣтній студентъ Борисоглѣбскій сталъ инокомъ Григоріемъ. Постриженъ онъ былъ на всенощномъ бдѣніи, одновременно съ товарищемъ по курсу, священникомъ Іоанномъ Грековымъ, названнымъ въ иночествѣ Василіемъ. *)

Всенощная эта никогда не забудется. Академическая церковь была наполнена народомъ. Служба совершалась череднымъ иереемъ-студентомъ. Настало время великаго славословія. Предстоятельство въ служеніи принялъ самъ о. ректоръ, архимандритъ Антоній. **) Когда царскія врата отверзались, богомольцы увидѣли его стоящимъ предъ престоломъ, въ облаченіи и митрѣ, и услышали его возгласъ: *Слава Тебѣ, покажемъте намъ святъ*. Пѣвчіе тихо заплѣли: *Слава въ вышнихъ Богу...* Въ этотъ моментъ показался изъ сѣверной двери алтара лаврскій и академическій духовникъ, соборный старецъ о. Авраамій, въ мантии, епитрахили и клобуцѣ, съ крестомъ и свѣчою. Сойдя съ амвона, онъ, срединю церкви, между разступившимся народомъ, прошелъ въ притворъ, гдѣ стояли, въ ожиданіи пострига, студенты Грековъ и Борисоглѣбскій. Въгдѣ за духовникомъ изъ сѣверной и южной дверей алтара стали выходить по одному священноиноки и иноки, также въ мантияхъ и клобукахъ. Отъ амвона они уже попарно шли въ притворъ церковный. Первыми шествовали два архи-

*) Скопчался въ вышнемъ 1896 году, въ санѣ архимандрита и въ званіи члена С.-Петербургскаго духовно-цензурнаго комитета.

**) Храповицкій, нѣтъ инспекторъ С.-Петербургской Академіи. Былъ ректоръ Казанской Академіи.

мандрита—ректор Введенской семинарии (Гакнов*) и инспектор академии Антоний.**) По окончании словословия, вышел из царских врат о. ректоръ, съ архимандритчизъ посохомъ, и остановился на амвонѣ лицомъ къ народу, окруженный священниками и диаконами. Пѣвчіе заплѣли умилительную и по содержанию, и по напѣву стихиру: *Облѣтія отча отсертъ ми потициса...* Въ притворѣ началось движеніе. Черезъ нѣсколько минутъ въ храмъ вошелъ соборъ монаховъ, которые прикрывали своими мантиями приступавшихъ къ постригу, одѣтыхъ въ однѣ срачицы. Оба «брата», приближаясь къ амвону, нѣсколько разъ повергались ницъ. Наконецъ они стали предъ о. ректоромъ. «Что пришли есте, братія?»—спрашиваетъ онъ ихъ. «Желаа житія постническаго»,—тихо, но твердо отвѣчаютъ они. Продолжительный и глубокосодержательный чинъ постриженія происходилъ при благоговѣйномъ вниманіи присутствовавшихъ. До конца всенощной новопостриженные иноки стояли, каждый съ крестомъ и свѣчю въ рукѣ, одинъ по правую сторону царскихъ вратъ, предъ мѣстною иконою Спасителя, а другой, и именно о. Григорій, по лѣвую—предъ храмовою иконою Покрова Божіей Матери. По окончаніи всенощнаго бдѣнія, о. ректоръ сказалъ новопостриженнымъ назидательную рѣчь. «Итакъ совершилось, — говорилъ онъ, — пропнесенъ священный обѣтъ, отринуть мѣръ съ его преходящею похотью, отринуть духовный Египетъ плотской жизни, пройдено Черное море рѣшимостью умереть для міра; предъ вами теперь только Господь, ведущій васъ Своимъ закономъ въ обѣтованную землю спасенія. Однакоже нельзя скрыть, что какъ отъ Чернаго моря еще далеко до земли Обѣтованной, такъ великъ и труденъ путь отъ обѣщанія до полного осуществленія правилъ духовной жизни. О, братіе, и васъ не минуютъ искушенія міра! Что же вы противопоставите

*) Нынѣ епископъ Чигиринскій, викарій Кіевской митрополіи.

**) Нынѣ епископъ Великоустюжскій, викарій Вологодскій.

имъ? Указывать ли вамъ на спасительное врачество молитвы, на силу поста, на пристань богомыслия и безмолвія, на мечъ слова Божія и отеческихъ писаній? Да, безъ всего этого невозможно спастись монаху. Но исполненіе сихъ подвиговъ будетъ ли въ вашей власти настолько, насколько потребуетъ? По особому роду послушанія, вамъ придется жить и дѣйствовать среди міра. И есть одна сила, которая, усвоиваясь нами при обращеніи въ мѣръ, въ то же время возноситъ насъ къ Богу: эта сила—любовь христіанская. Пребывая въ любви, вы тѣмъ самымъ пребудете въ Богѣ; сохраняя любовь, вы среди міра будете далеки отъ всего мірскаго. Встрѣчая пороки, любовь проиается состраданіемъ и учительною ревностію, а входя въ общеніе со святыней, неселится и торжествуетъ. Съ любовью не страшны искушенія, ея паче всего трепещетъ дьяволъ, ея выше всего похваляетъ Христосъ. Любовью довелъ Моисей народъ до земли Обѣтованной; любовью и вы пройдете земное воиріе среди міра невредимыми отъ міра, какъ Нараянъ прошелъ Иорданъ, не омочивъ ногъ своихъ!» Послѣ рѣчи всѣ монашествующіе подходили къ своимъ новымъ собратіямъ и приветствовали ихъ лобзаніями міра и любви.

На другой день, 26 числа, божественную литургію въ той же церкви совершалъ о. ректоръ, въ сослуженіи, между прочими, новопостриженного іеромонаха о. Василия. Новый монахъ, о. Григорій, въ мантии и клобукъ стоялъ со свѣчю всю обѣдню предъ мѣстнымъ образомъ Спасителя. Во время причащенія, при сказываніи однимъ изъ студентовъ очередной проповѣди, о. Григорій прикладывался къ иконамъ и въ обычное время сподобился приобщенія св. Таинъ. Послѣ обѣдни новые иноки отправились, для уединенной молитвы и богомыслия, въ Гевсиманскій скитъ, откуда возвратились въ Академію чрезъ нѣсколько дней.

Душевное состояніе новопостриженного о. Григорія, по его собственному признанію, было самое свѣтлое. «Слава Богу,—говорилъ онъ,—я чувствую себя хорошо: на душѣ такъ мирно и покойно, какъ прежде не бывало»...

О. Григорій начал жизнь студента-монаха. Аккуратное хождение на лекции и писание разных сочинений, особенно курсового, стали теперь чередоваться у него съ каждодневным присутствием при церковных богослужениях, усугубленною домашнею молитвою, посещениями старца духовника и выполнением различных иноческих правил.

По принятии монашества, о. Григорій переселился въ отдельное помѣщеніе, въ томъ же главномъ академическомъ корпусѣ, — рядомъ съ ректорскими комнатами. Тѣсная келья его окнами выходила на задній академическій дворъ и на часть монастырской стѣны между Звонковой и Калічьею башнями. Вся эта сторона двора занята складомъ дровъ и разнымъ скарбомъ и старьемъ. Видъ открывался вообще далеко не роскошный, способный нагнать на иного любителя красотъ природы уныніе и тоску. Но въ самой кельи было такъ хорошо, что не хотѣлось изъ нея уходить. Въ переднемъ углу кіотъ, въ видѣ трехугольника, только-что сдѣланный, еще издававшій запахъ струганнаго дерева, простой, непокрашенный, безъ всякой рѣзьбы; въ немъ иконы разныхъ размѣровъ и письма — большое частію благословеніе и дары о. Григорію отъ некоторыхъ архипастырей и другихъ лицъ по случаю принятія имъ монашества; четки, просфорки; предъ кіотомъ неугасимая лампада. На письменномъ столѣ — кны испанской бумаги. На широкомъ трехъ-аршинномъ подоконникѣ лежатъ громадные томы изданія Мниа *Cursus completus patrologiae*. Возлѣ рабочаго стола обыкновенная студенческая койка желѣзная съ жесткимъ тюфякомъ и такимъ же возглавіемъ. Близъ двери этажерка, биткомъ набитая книгами. На стѣнахъ, окрашенныхъ голубою краскою, вывѣшены: фототипическое изображеніе какого-то подвижника, молящагося въ своей кельи предъ открытымъ гробомъ, и портретъ извѣстнаго оптинскаго старца о. Амвросія, котораго о. Григорій глубоко чтитъ и на погребеніе котораго ѣздилъ въ качествѣ депутата отъ Московской Академіи. Все въ

кельи о. Григорія носило отпечатокъ простоты и въ то же время изящества. Самъ хозяинъ кельи — высокій и тощій, въ черномъ подкафтани, описанномъ монашескимъ ремнемъ съ большою желѣзною пражкой. Лицо его блѣдно, но пришло выраженіе внутреннего мира и радости о Душѣ Святой.

— «Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» стучитъ постытѣль въ дверь кельи о. Григорія.

— «Аминь!» — радостно отвѣчаетъ хозяинъ и спѣшитъ впустить гостя.

Начинается беседа, всегда живая, непринужденная, всегда интересная. При этомъ о. Григорій и на свои письменныя работы указать и объяснить, что онъ въ нихъ сдѣлалъ и что предстоитъ ему сдѣлать.

Научными трудами онъ занимался чрезвычайно прилежно, со всемъ жаромъ своей энергичной, жаждавшей знаній, души. Отъ природы даровитый и хорошо учившійся раньше и въ низшей, и въ средней духовной школѣ, онъ легко поборалъ тѣ трудности, съ которыми приходится встрѣчаться студенту академіи при занятіяхъ, особенно при писаніи курсоваго сочиненія, должнствующаго представлять собою въ большей или меньшей степени обстоятельную, серьезную работу. Изъ вышедшихъ въ печати трудовъ о. Григорія извѣстны, напр.: *Сочиненіе Блаженнаго Августина о градѣ Божіемъ (De civitate Dei), какъ опытъ христіанской философіи исторіи (Вѣра и Разумъ, 1891 г.)*; *О аргументахъ Павла Прусскій и значеніе его сочиненій для полемики съ расколомъ (Странникъ, 1892 г.)*; *Третіе великое благовѣстническое путешествіе св. Апостола Павла. Опытъ историко-эвangelическаго изслѣдованія (Богословскій Вѣстникъ, 1892 г.)*, — солидное изслѣдованіе, за которое авторъ достойно получилъ ученую степень магистра богословія, и др. При взглядѣ на о. Григорія, обложеннаго книгами и тетрадами и работающаго за письменнымъ столомъ, мысль невольно переносилась къ прошлому Московской Академіи, когда въ ней, подъ этими же старинными

сводами, начинали свою ученую деятельность молодые иноки впоследствии высоко воспарившие на горизонтѣ духовной науки—Филаретъ Гумилевскій, Евсеіій Орлинскій, Агаѳангелъ Соловьевъ, Іоаннъ Соколовъ, Сергіій Лапидевскій, Савва Тихомировъ, Михаилъ Лузинъ и др., составившіе славу родной almae matris. Думалось, что и о. Григорій Борисоглабскій, подобно имъ, сдѣлается крупною величиною въ духовно-ученомъ мѣрѣ и изъ малоизвѣстнаго пока въ обществѣ студента-инокѣ со временемъ превратится въ прославленнаго научными трудами и административными заслугами архипастыря какой-либо изъ видныхъ епархій нашей отечественной церкви...

Свои труды, напечатанные отдѣльными книжками или оттисками, о. Григорій любилъ дарить на память ближайшимъ знакомымъ и друзьямъ. Напр., свою брошюру «Сочиненіе блаженнаго Августина: *О градѣ Божіемъ*» онъ подарилъ одному изъ своихъ знакомыхъ, по свидѣтельству надписи, *въ знакъ искренно желанія быть ему какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни, гражданиномъ града Божія.*

Съ большимъ усердіемъ и любовью, помнится, занимался о. Григорій составленіемъ биографіи извѣстнаго оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія, скончавшагося 10 октября 1891 года. Онъ глубоко, до благоговѣнія, читалъ этого подвижника, по совѣту и благословенію котораго принялъ монашество и которому вообще былъ многимъ обязанъ. Іеросхимонаха Амвросія, согласно Пилу Синайскому, спасеніе своей души полагавшаго въ служеніи спасенію другихъ и потому широко открывшаго дверь своей келліи всемъ, приходившимъ къ нему съ горестями, скорбями и нравственными терзаніями и жаждавшимъ получить отъ него духовный совѣтъ, назиданіе и благословеніе, о. Григорій считалъ образцомъ для себя въ прохожденіи иноческаго поприща. Присутствовавшій въ качествѣ депутата отъ Московской Академіи на погребеніи оптинскаго старца, о. Григорій возвратился съ похоронъ его какимъ-то восторженнымъ и умлненнымъ; онъ собственными глазами увидѣлъ многое

изъ того, что сдѣлано о. Амвросіемъ на мѣстахъ его служенія, и былъ свидѣтелемъ цѣлаго ряда высокихъ и трогательныхъ проявленій благоговѣнія и любви народа къ почившему подвижнику. Задавшись мыслію описать жизни іеросхимонаха Амвросія, о. Григорій постарался собрать на самыхъ мѣстахъ его подвиговъ матеріалы для его биографіи. «Вотъ у меня какая почтенная по объему и содержанію рукопись»,—говоритъ онъ, указывая на вывезенныя имъ изъ Шамордіна записки объ о. Амвросіи, веденныя съ 1879 года г-жей Фр—ой, «есть тутъ что почитать, есть изъ чего извлечь назиданіе!» Составленное о. Григоріемъ «Сказаніе о житіи оптинскаго старца отца іеросхимонаха Амвросія» было напечатано въ *Душеполезномъ Читаніи* за 1892 и 1893 годы и издано отдѣльной книгой. Оно проникнуто теплотою чувства, интересно по содержанію и изложено живо, мѣстами изящно, художественно. Съ первыхъ же главъ Сказанія, появившихся въ *Душеполезномъ Читаніи*, обратилъ особенное вниманіе на автора его, о. Григорія, другой знаменитый современный подвижникъ, преосвящ. епископъ Теофанъ, который внимательно и поочередно слѣдилъ за его энергическою и полезною дѣятельностію.

Какъ о дѣятелѣ собственно церковномъ, объ о. Григоріи слѣдуетъ сказать прежде всего, что онъ службы Божіи отправлялъ всегда съ большимъ благоговѣніемъ и усердіемъ.

По самой натурѣ своей, несомнѣнно эстетической, а главное, по сознанию высокой важности богослуженій нашей православной церкви, о. Григорій питалъ особенную любовь къ торжественному совершенію ихъ. Еще бывши простымъ инокомъ, до рукоположенія въ іеродиакона, онъ съ согласія и благословенія о. ректора, ввелъ въ академическомъ храмѣ нѣкоторыя особенности богослуженій лаврскаго собора. По сборному образу, напр., великопостныя повечерія въ академической церкви заканчивались такъ, когда черной іерей возглашалъ: *помолимся о Благочестивѣйшемъ...*, тогда пѣлиемъ *Господи помилуй* дружно и громко

гласно отвѣчалъ весь хоръ пѣвцовъ-студентовъ, но за вторымъ и дальнѣйшими возглашеніями іерея пѣлъ *Господи помилуй* только одинъ о. Григорій своимъ пріятнымъ, хотя и несильнымъ, баритономъ; въ заключеніе же и въ отвѣтъ на слова іерея: *пріемъ и о себѣ самъ*лъ, троекратное *Господи помилуй* пѣлъ снова, и притомъ съ большою силою, всѣ студенты-пѣвчіе. Въ великомъ же постѣ, на утрени, если службу совершалъ новопостриженный іеромонахъ о. Василий, ему, служившему въ мантии, епитрахили и камилавкѣ, при кажденіи всего храма, предшествовалъ, также въ мантии и камилавкѣ, о. Григорій со свѣчою. Зрѣлище было очень красивое.

О. Григорій зналъ ноту и былъ искуснымъ пѣвцомъ. Иногда онъ дѣлалъ передъ службами репетиціи предстоящаго ему въ церкви чтенія или пѣнія. Переселившись, по принятіи монашества, какъ выше сказано, въ отдѣльное помѣщеніе, рядомъ съ покоями о. ректора, котораго постоянно осаждали постытители, о. Григорій стѣнялся дѣлать подобныя репетиціи у себя въ келліи, а уходилъ для того къ кому-либо изъ знакомыхъ, жившихъ въ академическомъ же корпусѣ. Вышши въ санѣ іеродіакона (посвященъ 16 марта того же 1891 года), онъ пришелъ къ одному изъ нихъ наканунѣ Благовѣщеніева дня, предъ самымъ звономъ ко всенощной, совѣсть одѣтый къ службѣ, и сталъ просить у хозяина позволенія прорепетировать въ его квартирѣ величаніе празднику. Позволеніе было дано съ полною предупредительностію, и вотъ о. Григорій вынулъ изъ кармана листъ бумаги съ положеннымъ на ноты величаніемъ Благовѣщенію и, раскрывъаю ю комнату, началъ выводить: «А-ар-хан-ге-е-е-дскій гла-а-астъ...»

Самыя движенія его при совершеніи богослуженія отличались плавностію и равномерностію. Кадилъ онъ прекрасно. Одинъ изъ архіереевъ, присутствовавшихъ въ академическомъ храмѣ за служеніемъ о. Григорія, замѣтилъ, что онъ до старости дожилъ, а такого искуснаго кажденія не видывалъ.

Сдѣлавшись іеромонахомъ (12 іюня 1891 г.), о. Григорій и въ новомъ санѣ старался отправлять службы Божіи съ полнымъ же благообразіемъ и чинностію.

Въ академическомъ храмѣ о. Григорій часто выступалъ въ качествѣ проповѣдника слова Божія. Проповѣди его были жизненны и проникнуты сердечностію. Пронизывая онъ ихъ всегда безъ тетрадки—смысла, увѣренно и какъ бы вдохновенно, и чрезъ то производилъ на слушателей впечатлѣніе прекраснаго проповѣдника. Слушать его поученія всегда было усадительно.—При вибогослужебныхъ собесадованіяхъ въ академической церкви, организованныхъ ректоромъ о. Антоніемъ, и привлекавшихъ всегда массу слушателей изъ разныхъ классовъ общества, особенно же изъ простонародья, о. Григорій былъ дѣятельнѣйшимъ и талантливѣйшимъ сотрудникомъ своего начальника. Почти всегда можно было видѣть на этихъ собесадованіяхъ высокую, стройную, монашескую фигуру о. Григорія: то онъ воодушевленно поучаетъ съ амвона слушателей, которые внимають ему, притая дыханіе; то руководитъ съ клироса всеобщимъ пѣніемъ въ началѣ, промежуткахъ и концѣ бесѣды; то, по окончаніи ихъ, у выхода изъ храма раздаетъ народу листочки духовнаго содержанія. Благодаря такому живому и неутомимому участію своему въ веденіи вибогослужебныхъ собесадованій, о. Григорій сдѣлался популярнѣйшею личностію среди посадскихъ жителей; да и лаирскіе богомольцы, случайно попадавшіе на эти собесадованія, оставали въ себѣ самое свѣтлое воспомнаніе о немъ.

Какъ монахъ, о. Григорій являлся, можно сказать, красною «иноковъ сословія». Богообязанный, обладавшій чистотою сердца, строгій постникъ, онъ представлялъ собою быстро распутившійся и благоуханный цвѣтокъ на духовномъ лугу нашего монашества.

Въ обращеніи же съ другими, товарищами и друзьями, и подъ монашеской одеждою остался тотъ же Н. Ив. Борисоглѣбскій. Та же общительность и сердечность, тотъ же

милый, добродушный юмор, который онъ подчасъ проявлялъ, та же занимательность въ бесѣдѣ. Не напускалъ о. Григорій на себя ни важности, ни того смиренія, которое паче гордости, а держалъ себя просто и натурально вездѣ и со всѣми.

Благожелательность его къ ближнимъ была замѣчательна. Одинъ изъ его знакомыхъ, служившихъ въ Академіи, поступалъ въ священники и собирался къ новому мѣсту службы. О. Григорій, о которомъ уже сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ назначается инспекторомъ Академіи, пришелъ къ нему проститься и на прощаніи подарилъ ему экземпляръ прекрасныхъ проповѣдей Тульского протоіерея о. А. Иванова. На главномъ листѣ книги о. Григоріемъ сдѣлана надпись, заканчивающаяся такими словами: *дай вамъ Господь пастырство ревностное, мудрое, мирное, благодное и учительное!* Получившій въ даръ эту книгу хранить ее, какъ драгоценность, и при взглядѣ на нее съ теплымъ чувствомъ восторга и удивленія воспоминаетъ свѣтлую личность о. Григорія.

Въ силу той же благорасположенности и доброжелательности къ ближнимъ, онъ тѣхъ изъ друзей своихъ, которые поступали во священники, горячо убѣждалъ быть пастырями дѣятельными и учительными. «Поставилъ себя за правило какъ можно чаще говорить въ церкви поученія. На первыхъ порахъ это будетъ, разумеется, трудно для васъ и, можетъ быть, непривычно для прихожанъ; а потомъ дѣло наладится. Да и нѣтъ надобности говорить непременно много, цѣлую форменную проповѣдь, со вступленіемъ, изложеніемъ и заключеніемъ; достаточно сказать нѣсколько связанныхъ словъ, лишь-бы они выходили отъ сердца и были согрѣты чувствомъ. Приучайтесь говорить не по тетрадкѣ: ваше живое слово будетъ несравненно сильнѣе дѣйствовать на слушателей.»

О. Григорій очень любилъ родную Московскую Академію. Дороги ему были, соблюдавшіяся въ ней, старинныя традиціонныя обычаи, имѣвшіе глубокой смыслъ и значеніе,—или

содѣйствовавшіе наиболѣе тѣсному сплоченію всей академической семьи, или поддерживавшіе духовную связь между поздѣйшими студентами и воспитанниками прежнихъ курсовъ, и какъ-бы переживавшіе въ новыя поколѣнія студентовъ тѣ идеалы, которыми жила питомцы старыхъ временъ. Самъ горячо любившій Академію, о. Григорій, при прощаніи съ друзьями и знакомыми, оставлявшими ее, убѣждалъ ихъ никогда не ослаблять нравственной связи съ нею. «Помните, что она ваша почитательная мать и заботливая воспитательница, выведшая васъ въ люди. Хотя изрѣдка навѣщайте ее. Будьте отзывчивы ко всѣмъ выдающимся событіямъ въ ея жизни, радостнымъ или печальнымъ. Поддерживайте ея репутацію посильными научными трудами, писательствомъ и полезною общественною дѣятельностью.»

Отъ природы о. Григорій былъ далеко некрѣпкого здоровья. Малокровіе и общая слабость силъ замѣчались въ немъ давно. Сдѣлавшись доцентомъ и инспекторомъ Академіи (въ 1892 г. году), онъ началъ особенно усердно заниматься науками, чтобы и въ отношеніи учености быть вполне достойнымъ мѣста, какое получилъ въ этомъ высшемъ разрядникѣ духовнаго просвѣщенія. Успѣнные занятія научныя, равно какъ и труды по инспекторской службѣ, конечно, не могли не содѣйствовать развитію его болѣзненнаго состоянія.

Возведенный 30-го марта 1893 года въ санъ архимандрита, о. Григорій скончался 18-го ноября того-же года въ Москвѣ, пробѣдомъ въ Константинополь, куда былъ назначенъ на высокой постъ настоятеля посольской церкви. Изъ гостиницы Флоренція (на Тверской), гдѣ онъ умеръ, гробъ съ его тѣломъ на другой день утромъ перенесенъ былъ въ ближайшую церковь Георгія, на Красной Горкѣ, (рядомъ съ университетомъ). Отсюда, часу въ 4 мѣ дня, послѣ торжественной литіи, совершенной преосв. викаріемъ Московскимъ Тихономъ съ многочисленнымъ духовенствомъ, смертные останки о. Григорія были повезены на Ярославскій вокзалъ, для сдѣланія въ Троицкую лавру. Всю дорогу до вокзала воспитанника Московской семинаріи чрезвычайно

стройно и разумно пѣли священныя пѣснопѣнія. Духъ о. Григорія, такъ любившаго пѣніе, думалось, принималъ къ этому стройному, согласному хору. Во главѣ духовенства шли оо. ректоры—Московской Академіи и Московской же семинаріи. На вокзалѣ была отслужена литія, послѣ чего печальныйъ поѣздъ двинулся въ путь. 20 числа ноября о. Григорія благочестно и торжественно похоронили на братскомъ академическомъ кладбищѣ.

Узнавъ объ его кончинѣ, пресса. Феофанъ писалъ въ одномъ изъ своихъ уже предсмертныхъ писемъ: «о. архимандритъ Григорій, инспекторъ Московской Академіи, *сгорѣлъ*. Его назначили въ Константинополь. Поѣхалъ. Доѣхалъ до Москвы и скончался». Да, о. Григорій, въ предчувствіи, вѣроятно, что ему не суждено долго жить, съ такою горячею ревностью снѣшилъ какъ можно больше принести нравственной пользы и себѣ и другимъ, такую старался за послѣднее время проявить разностороннюю, многоплодную, неутомимую дѣятельность, что, скончавшись въ самомъ разгарѣ ея, дѣйствительно представляется какъ-бы сгорѣвшимъ въ ней.

Когда вспоминаешь о высокиихъ духовныхъ качествахъ о. Григорія, о неуклонномъ стремленіи его ко спасенію, о той нравственной пользѣ, какую онъ приносилъ ближнимъ, о тѣхъ трудахъ, или же трудился онъ для церкви Божіей и для духовной науки, горячее сожалѣніе о преждевременной утратѣ его умѣряется чувствомъ радованія за человека, такъ хорошо выполнившаго здѣсь, на землѣ, свое жизненное назначеніе...
